

В эту ночь в Резиденции князя Ли до рассвета горели огни.

Лишь под утро несколько лекарей наконец сошлись во мнении, что состояние Ся Си стабилизировалось. Самый опытный из них, лекарь Сяо, серьезно сказал:

— К счастью, в ход пошли зубы, а не клинок. Как бы сильно он ни сжимал челюсти, укус не оставляет таких глубоких и ровных разрезов, как лезвие, что позволило организму включить защитные механизмы и в конце концов замедлить кровотечение. Иначе даже бессмертные ничем не смогли бы помочь. Однако именно из-за того, что это были зубы, рана получилась не такой ровной и простой для заживления, как от клинка. Боюсь, теперь эта рука навсегда ослабнет: нельзя будет поднимать тяжести и вернуть прежнюю подвижность.

Заметив, как выражение лица Гун Инаня мгновенно похолодело, лекарь Сяо торопливо добавил:

— Но главное сейчас — это последующий уход. Если хорошо восстанавливаться, возможно, все вернется к норме.

Лекари сообща составили надежный план выздоравливания, после чего настойчиво подчеркнули, что Ся Си и без того слаб здоровьем, а в этот раз потерял слишком много крови, из-за чего, судя по всему, пострадали даже внутренние органы, включая сердце и легкие. Поэтому целый месяц придется строго следовать рецепту и не допускать ни малейшей небрежности.

Ся Си проснулся от жара.

Приоткрыв глаза, он обнаружил, что почему-то прижимается к груди Гун Инаня, который обнимал его. Тот вел себя предельно осторожно: его рука лишь слегка обхватывала Ся Си за талию, а теплая и широкая грудь плотно прилегала к спине, словно пытаясь согреть.

Стоило Ся Си лишь слегка шевельнуться, как Гун Инань тут же насторожился, и на его лице промелькнула радость:

— Ты очнулся?

Ся Си не привык, когда его обнимают, и машинально попытался оттолкнуть Гун Инаня. Тот опередил его, сам отстранился и впервые в жизни попытался объяснить:

— От твоего тела исходил сильный холод, поэтому...

С этими словами он осторожно вернул только что поднятую руку Ся Си на место:

— Рана на запястье еще не зажила, в ближайшее время этой рукой нельзя делать резких движений.

Следом служанка внесла отвар. Гун Инань взял миску, остудил лекарство, зачерпнул ложку и поднес к губам Ся Си:

— Выпей лекарство, туда добавили солодку, оно не горькое.

С самого начала и до конца Гун Инань вел себя до крайности бережно, точно с хрупким фарфором, и даже говорил очень тихо, отчего Ся Си невольно нахмурился.

Подозреваемый в шпионаже человек не только не сотрудничает со следствием, но и пытается

сбежать с помощью самоубийства — кто угодно на месте князя решил бы, что у него рыльце в пушку, и стал бы подозревать еще сильнее. Однако стоило Ся Си лишь чуть-чуть нахмуриться, как он услышал встревоженный голос Гун Инаня:

— У тебя где-то болит?

Ся Си не знал, что ответить, и уже почти начал сомневаться, действительно ли перед ним Гун Инань, мысленно спросив у 027:

— Сколько я спал?— Четыре с половиной дня, — добросовестно напомнила Ся Си 027. — Пока Хозяин был без сознания, Очки благосклонности снова увеличились на 15 единиц, и теперь в общей сложности их 85. К тому же до истечения срока выполнения побочного задания «Внешняя красота и внутренняя мудрость» осталась ровно неделя.

Гун Инань казался совершенно свободным: он дождался, пока Ся Си допьет лекарство, а затем терпеливо составил ему компанию за едой, не отходя ни на шаг. Даже несмотря на то, что с самого момента пробуждения Ся Си не произнес ни единого слова, это так и не заставило Гун Инаня выйти из себя или уйти. Напротив, его голос звучал еще мягче:

— У тебя нет аппетита?

Ся Си как раз обсуждал с 027 возможность почитать книги на слух. 027 установил довольно высокую скорость воспроизведения, и Ся Си слушал настолько сосредоточенно, что совершенно не обратил внимания на слова Гун Инаня. Глазами же Гун Инаня юноша после пробуждения выглядел до боли растерянным и отрешенным. Было непонятно, о чем он думает, отчего создавалось ощущение, что, хотя возлюбленный и находился на расстоянии вытянутой руки, на самом деле он бесконечно далек.

— Ся Си, — Гун Инань взял Ся Си за невредимую руку, пытаясь заставить юношу посмотреть ему в глаза. Повернув его лицо к себе, он с удивлением заметил, насколько сильно тот исхудал: его подбородок заострился, а на лице остались лишь большие, красивые, яркие глаза. Их угольно-черные, чистые зрачки казались почти детскими, отражая в своей глади силуэт Гун Инаня.

Гун Инань помимо воли потянулся, чтобы поцеловать эти глаза. Он действительно так и поступил: легкие, едва ощутимые поцелуи осыпали веки юноши. Глаза Ся Си тут же испуганно и тревожно затрепетали, а длинные ресницы зашевелили губы Гун Инаня, и это щекотка волной прокатилась от рта прямо к самому сердцу.

Вся кровь в теле мгновенно забурлила, внизу живота уже ощутился легкий отклик, и каждая капля крови томилась от жажды — даже сам Гун Инань никак не ожидал от себя подобного. Он никогда бы не подумал, что его самообладание когда-нибудь падет до такой степени, и теперь уже было невозможно тешить себя иллюзиями, будто он просто интересуется Ся Си. Столь бурный трепет в груди, столь глубокая, пронзительная боль за него, такие сильные переживания и страх, такое невозможно скрыть стремление властно завладеть им и одновременно бесконечно беречь...

Чувства к юноше действовали подобно яду, и он уже давным-давно, сам того не замечая, был ими полностью отравлен без надежды на исцеление.

Гун Инань тяжело и прерывисто выдохнул пару раз, сдерживая непреодолимый импульс впиться в чужие губы долгим поцелуем, запереть его в своих объятиях и безжалостно подчинить себе, а затем хриплым голосом произнес:

— Съешь кашу как следует, я скоро вернусь.

Проводив взглядом торопливо удаляющуюся фигуру Гун Инаня, Ся Си подумал, что в походке мужчины было что-то странное, не поддающееся описанию. Вечером Ся Си по-прежнему был вынужден остаться ночевать в комнате Гун Инаня. Ся Си не стал тратить время на протесты, а сразу забрался под одеяло и продолжил слушать, как 027 читает ему книгу. Однако Гун Инань обнаружил, что это решение, пожалуй, было не столь уж прекрасным. Возлюбленный находился совсем рядом, и стоило ему лишь услышать тихое дыхание юноши, как его вновь постыдно охватывало возбуждение. При этом он ничего не мог поделать, и это казалось настоящей мукой и пыткой.

Еще больнее Гун Инаню было от того, что с момента пробуждения Ся Си хранил глубокое молчание: он не разговаривал, не выказывал никаких мыслей и почти не проявлял даже базовых реакций.

Гун Инань совершенно не представлял, что ему делать. В темноте он всматривался в спящее лицо Ся Си, до безумия тоскуя по улыбке юноши. Впервые в жизни полюбив — и полюбив настолько сильно, что был готов вырезать и показать свое сердце, — он столкнулся с тем, что другой человек захлопнул свое сердце на замок.

Ся Си тоже страдал. Он проявлял такую дерзость и капризность, что даже оставлял слова Гун Инаня без ответа с самым холодным и отстраненным видом, — почему же очки мазохизма при этом оставались абсолютно неподвижными!

В мгновение ока наступил малый Новый год.

Ся Си уже три дня подряд слушал классические произведения; даже тот, кто искренне любил чтение, от такого потока информации почувствовал бы легкое головокружение. Наконец он вынырнул из книжного моря, чтобы передохнуть, и теперь лежал на подоконнике, наблюдая, как 027 хлопает крыльями туда-сюда, заигрывая с воробьями.

Несколько маленьких воробьев, казалось, чувствовали присутствие 027 и в конце концов полетели за ним следом прямо к окну, совершенно не боясь людей.

Ся Си повернулся, взял немного выпечки и протянул ладонь, чтобы покормить их. Сначала один из воробьев осторожно приблизился к кончику пальца Ся Си, а поняв, что опасности нет, тут же с аппетитом принялся за еду. Увидев это, двое других тоже подлетели ближе, а

последний и вовсе смело запрыгнул на руку Ся Си в поисках угощения.

Острые клювики постукивали по ладони Ся Си, и от щекотки ему невольно хотелось рассмеяться.

— Ладно-ладно, не спешите, всем хватит, — произнес он.

Гун Инань, по обыкновению навестивший Ся Си сразу после утреннего доклада во дворец, как раз подошел к двери и услышал эти легкие, радостные слова юноши.

Всего одна фраза, но для Гун Инаня она была бесценна. Тихонько приоткрыв дверь, он увидел, что юноша разговаривает с несколькими воробьями. С серьезным видом обращаясь к птичкам, Ся Си выглядел невероятно мило: обе его ладони были раскрыты, он старательно и по очереди подкармливал пернатых, а в глазах его таилась улыбка.

Эта улыбка походила на крошечный крючок, снова растревоживший и растопивший сердце Гун Инаня.

Невольно сделав шаг вперед, он мягко протянул руку к любимому.

В ту же секунду раздался шуршащий шум — взмахнув крыльями, напуганные внезапным появлением незнакомца воробьи вмиг разлетелись во все стороны, не оставив и следа.

Обе ладони вмиг опустели. Юноша моргнул, и на его лице промелькнуло растерянное выражение обиды — он словно еще не до конца понял, что произошло. Заметив это, Гун Инань впервые в жизни растерялся:

— Я не со зла...

Терзаемый раскаянием, он попытался исправить положение:

— Если тебе нравятся птицы, я сейчас же велю отыскать пару ручных и послушных дроздов или попугаев, хорошо?

Ся Си покачал головой:

— Не нужно.

Это был первый ответ Ся Си на слова Гун Инаня с момента пробуждения. Гун Инань испытал мгновенный прилив радости, но, взглянув на болезненный вид юноши, вновь почувствовал укол жалости. Мягко он спросил:

— Тебе здесь не сидится в четырех стенах? Через пять дней в императорском дворце состоится новогодний банкет, пойдешь со мной?

Динь! Поздравляем Хозяина с активацией побочного задания «Жертвенная защита». На новогоднем банкете правителю Государства Цзин грозит покушение. Пожалуйста, посетите банкет и предотвратите кризис. В случае успеха задания награда: 300 очков благосклонности и одна пилюля очищения костного мозга. Наказание за провал задания: по дороге вам встретятся злоумышленники, которые насильно надругаются над вами в течение четверти часа.

Это наказание было чересчур омерзительным, и у Ся Си не оставалось выбора, кроме как проглотить слова отказа.

— Хорошо, — ответил он.

Гун Инань осторожно коснулся запястья Ся Си, обмотанного марлей:

— Все еще болит?

— Уже нет.

Хотя Ся Си до сих пор не мог понять причину столь бережного и трепетного отношения Гун Инаня, он посчитал необходимым еще раз напомнить тому о факте своего прошлого подозрения в шпионаже:

— Я ведь действительно никогда не терял память. Раньше ты спрашивал, кто я на самом деле, я...

Не успел он договорить, как Гун Инань перебил его:

— Ничего страшного. Не хочешь — не говори, я больше никогда не стану давить на тебя.

Ся Си был готов опуститься на колени от удивления — что вообще здесь происходит?

Вид слегка расширивших от изумления глаз юноши заставил Гун Инаня вновь с трудом сдерживать желание поцеловать его. Самоконтроль перед лицом этого юноши не работал вовсе: любое выразительное движение или малейший жест Ся Си заставляли его терять рассудок. Ему отчаянно хотелось излить свои чувства прямо в лицо этому человеку.

Нужно сдерживаться, нужно терпеть. Гун Инань снова и снова предостерегал себя в мыслях: он не мог напугать юношу, а еще больше боялся спугнуть его. Чем яснее он осознавал свои чувства, тем сильнее страшился рискнуть и хоть на мгновение потерять любимого.

<http://bllate.org/book/22145/2307201>